

Молодость таланта

Георгий Александрович Шебуев принадлежит к тому поколению советских артистов, которое прошло по сцене за революцией.

В 1913 году, окончив юридический факультет Базарского университета, Георгий Александрович поступает в группу известного тогда актера императора Н. А. Лебедева. После не очень успешного сезона в Самаре начинается карьера его сценической поэмы на необыкновенной земле нашей страны. Чередуются встречи, приезды, сезоны, города, сомнения, нынешние творческие, в леты, гордые разования, успехи и провалы.

Его учителями были выдающиеся профессиональные актёры в революции — Н. И. Собольчиков-Самарин, А. К. Кашкин, А. П. Дзинский, М. И. Тархов, Б. А. Горин-Горинов. Шебуев учился у них мастерству промышленности психологическую сущность образа, постепенно приобретая вкус и живой, поэтический и музыкальный речи на сцене, поглощая искусством драматогии — эти труды им искусством «словесных подлинников», без которых немыслимо воспроизведение образов Островского, Грибоедова, Шекспира, Бомарисе.

Четыре года работы в «бельэтажной промышленности» явились для него гуртом, по прекрасной школе актерского мастерства в смыслах чисто чистильной речи в его дальнейшей сценической судьбе.

Октябрьскую революцию он встретил в Екатеринбурге (ныне Свердловск), потом работал в Самаре и несколько лет в Воронеже.

Это были бурные годы, когда театральный репертуар опинался от будущей драмы и поисков, когда актеры и режиссеры по-новому (часто формалистически) осмысливали бесмертные произведения классиков, годы, когда рождались первенцы советской драматургии — пьесы Б. Грекова, В. Вильямса-Белозерского, Вс. Иванова, Б. Давидова, Л. Сейбулфина, Б. Романова, утверждалось искусство молодого советского театра. Шебуев привнес в этот театр свой многогранный талант и создал ряд интересных сценических образов, которые были высоко оценены общественностью.

Творческий диапазон Шебуева всегда был чрезвычайно широк — Чеховак и Арбенев, министр-предправа Болгаринбров («Стакан воды») и боярата, благородная Аркадия Счастливца, Телятев в американской хронике Мирзифа («Русский вопрос»), заборщущий матрона — большеголовая Шевелев и лукавый предворец Шуйский («Белкин гусляр»). Феликс Эдмундович Дзержинский из пьесы М. Бахчанова «Честны» и старый актер Мирзиф («Сынья»), опустившийся до предела падения культуры и пижанца Боров из торжественного «За заслуги и хвастани» Порт-Артура Стесселя, Протасов («Дети гондольи») в талантливой спектаклью Аранчо из «Солны Петра». Он с увлечением выступал на сцене как чтец и поэт, часто сам сочинял музыку для своих песенок. Гамарды помнили его гастроли в спектаклях оперетты театра Гаспар в «Борисоглебских колоколах», Эдмия в «Сильве», граф Данило в «Веселой ядовке» и т. д.). Незабываемы и концерты, в которых Шебуев читал гетеевского «Элегию».

Си с увлечением выступал на сцене как чтец и поэт, часто сам сочинял музыку для своих песенок. Гамарды помнили его гастроли в спектаклях оперетты театра Гаспар в «Борисоглебских колоколах», Эдмия в «Сильве», граф Данило в «Веселой ядовке» и т. д.). Незабываемы и концерты, в которых Шебуев читал гетеевского «Элегию»...

В Куйбышевский драматический театр имени А. М. Горького Георгий Александрович привнес уже зрелым мастером с репутацией галантного художника успехов которого в области театрального искусства были отмечены присуждением почетного звания «Заслуженного артиста РСФСР».

С тех пор минуло двадцать лет. Они до сих пор были наполнены интереснейшим и плодотворным творческим долголетием, результатом которой явилась знаменитая галерея сценических портретов в спектаклях советской и классической драматургии. Среди них есть немало таких, которые не без основания считаются вершинами достижений советского театрального искусства. Обратимся к образам, созданным в последние десятилетия.

Вот Юсуп из «Дюймового моста». Вспомините его грузную фигуру, холмистые седые бакенбарды, старомодные очки, сидящие на кончике носа, его походку, манеру кланяться, брать пилюшку табака, сморкаться и гасить другую заряженную черточкой, удивительно метко схваченным актером. Так же глубоко и точно раскрывал Шебуев

внутренний облик этого зеленого и жуткого представителя чиновной бюрократии — показывал его хитрость, увертливость, раболепство, мелкое ханничиество, самодовольство, «добродушную» подлость.

Вот прикарпатский крестьянин Петров из спектакля «Любовь на рассвете» — измазанный, жалкий, скрученный под тяжестью грузов человека, в котором чутко заложена жизнь.

Он выходит в просторную горницу своей хаты, и слоны книжий, долго стоит у порога, в чему-то прислушивается, ждет чего-то... Затем молча подхватывает гирю, стоящую на полу, и так же жолч и неторопливо убирает ее с стола тарелку, сметает в нее горячую старческую лазанью хлебные крошки. Руки его зрожают. Но склоняясь на луже у старины, таскали... Идут... Идут... Сестрихи. Колхозница. Но землю, на все почтят ли изнутри, — еле вздохнувши от вынужденности...

Этот эпизод является как бы продолжением в сцене в третьем действии, когда Петров перед распятием Петров — Шебуев удрученное говорит своему внukу Луке:

— Выслушаете, щенок, моя сила... В его голосе — жалоба, скорбь, печаль, горестное сожаление;

— А там хочется мне, хотят бы перед самой смертью, выйти на Русское поле, на Верховину, на Кинеский участок, на Сидоровку, приложить к земле и сказать ей сердечно, молитвенно: «Мо-о-о!»

В этом промягшем криплом виде «Мо-о-о земли... Мо-о-о!» — зерно всей роли.

Короткая пауза. Скупой жест выражения лужанской боли, неудовлетворенности, затем идет заключительная фраза: «А там — пусть склоняется потому что склоняется не кто-нибудь, а сам Штефан Петров, холмистый над холмистым...» И идущие от ряда поднимаются, поклоняют к земле и, изложивши все взломки, сунувши в жестко скрещенные руки, спешат к земле и сказать ей сердечно, молитвенно: «Мо-о-о!»

В этом промягшем криплом виде «Мо-о-о земли... Мо-о-о!» — зерно всей роли.

Короткая пауза. Скупой жест выражения лужанской боли, неудовлетворенности, затем идет заключительная фраза: «А там — пусть склоняется потому что склоняется не кто-нибудь, а сам Штефан Петров, холмистый над холмистым...» И идущие от ряда поднимаются, поклоняют к земле и, изложивши все взломки, сунувши в жестко скрещенные руки, спешат к земле и сказать ей сердечно, молитвенно: «Мо-о-о!»

Одной из больших творческих ролей Шебуева была роль инженера Никитина спектакля «Варвары».

В его трактовке это хорошо понимаемый барин, чуть-чуть астет и в большой мере циник, который доказывает, что в мире нет никаких нравственных моральных устоев.

Но вспомним, что окружающие его люди (жители уездного города Верховина, куда он приехал на строительство железнодорожной дороги) — «кихари», с которыми некническо жить?

Надо видеть это скучающее выражение глаз, налитую улыбку, смычку небрежной, как бы из ветер бросаемой губы, когда, на вопрос профессора Любимова прообраза «кого следует считать мурзинишем из мурзин?», Петров — Шебуев отвечает:

— Были три мурзинки: первый назывался, что моя есть мышь, другий утверждал противное, — я, пожалуй, не помню, что именно. Но я и мурзинов знаю, что третий соблазнил жену первого, украл у второго и укрался, начав ее как свою, и то училики наставили...

В этих словах — символ первых шагов вспыхнувшего сознания и винческого человека, позиционированного «варваром».

И, наконец, присмотритесь к кордному, самоуверенному, педантическому, астетичному на все поглощенному Денису — Шебуеву («Зытник»). В каждой чующие его внешности облике — в глазах аллизионовских метафизичек, размежеванных подкове, брезгливой склонке угла, узловатом немецком акнете, в своем голосе, лицоющем человеческой темпери, — чувствуется кинхарин, прикрывающийся мишурой немецкой культуры. О, нет, он искренен, от кого? Ох, и смешелен, и может быть, в какой-то мере даже страшен.

Незадолго Георгий Александрович присвоено звание народного артиста Республики. Это заслуженная награда за золотые годы изумрудного творческого труда.

Большой, взыскательный художник, он никогда не останавливается в своих творческих исследованиях, не повторяет себя. Именно в этом — суть его высокого мастерства, чудесная неизведанная молодость его таланта.

С. ЛИСЕЦКИЙ.

На фото: Георгий Александрович Шебуев в роли Захара Бердина из спектакля «Варвара».

Фото А. Суровова.